

ВИКТОР КОЛЮЖНЯК

Сентименталь

Виктор Колюжняк

Сентименталь

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8504914
ISBN 9785447402945*

Аннотация

Алхимик и учёный Клаус фон Дирк исследует природу загадочного сентиментала, в попытках сделать открытие, которое перевернёт мир...

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сентименталь

Виктор Колюжняк

*«Тайны мира, что я изложил в сокровенной тетради,
От людей утаил я, своей безопасности ради,
Никому не могу рассказать, что скрываю в душе,
Слишком много невежд в этом злом человеческом стаде».*
Омар Хайям

© Виктор Колюжняк, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Как-то мне довелось услышать странную сентенцию: «Куда лучше попасть в услужение к негодяю, чем к благодетелю. Быть может, жизнь будет менее приятной, но более интересной». Признаюсь, слова эти показались мне откровенной глупостью.

Мой хозяин, которому судьбой было уготовано стать благодетелем для одних и негодяем для других, не считал себя ни тем, ни иным. Более всего господин был склонен именоваться философом и алхимиком. В обеих этих науках он добился высот, с которыми трудно сравняться кому-либо из живших ранее и, тем более, живущих теперь. Увы, алхимики разочаровались в собственной науке, не познав всех секретов, а философы продолжают терзать мир пустопорожними размышлениями и плодить сущности без меры.

Однако какое дело мне есть до невежд, которые не свершили и сотой доли того, что сделал Клаус фон Дирк, коему мне выпала честь служить. Эти необразованные дикари, неведь что мнившие о себе, не только не смогли повторить опыт моего хозяина, но и отрицали саму его возможность, хотя свидетелями тех деяний было множество уважаемых людей.

Рожденный в богатой на детей, но бедной на земли семье дворянина, Клаус фон Дирк до моей встречи с ним, перепробовал множество занятий. Какое-то время он был придворным чиновником, затем воевал на востоке, после, многому научившись у тамошних мастеров, вступил на путь алхимии, где снискал себе славу ученого.

Именно в тот момент мне было суждено встретиться с этим великим человеком.

Разумеется, я был всего лишь слугой, но доверенным и единственным. Наверняка нескромно будет упоминать собственные достоинства, поэтому я лишь вскользь замечу, что знал несколько языков, письмо и успел накопить весомый жизненный опыт.

Пожалуй, гордыня один из моих пороков, а потому следует покончить со мной и вернуться к разговору о моем хозяине.

Глава I

Как я уже говорил, побывав на востоке, Клаус фон Дирк стал алхимиком. В лаборатории, которую господин обустроил на окраине Гамбурга вместо бывшей кузницы, в скором времени появились полки с заспиртованными в банках уродцами и иными диковинами. С потолка свисали травы; вдоль стен, в грубых шкафах, книги с рассыпающимися страницами, которые я переписывал наново, пока они не успели рассыпаться в прах; в ретортах и колбах на столе переливались жидкости, и шел густой и странный запах, от которого свербело в носу и щипало глаза.

Увидь кто-нибудь наше жилище – я говорю «наше», потому что волей хозяина проживал вместе с ним, – то решил бы, что здесь поселилась ведьма. Однако большей глупости сложно было придумать. В отличие от колдовства, алхимия не склонна к шарлатанству или обману. Это сложная наука, в которой математике и химии отводилось места куда больше, чем домыслам и фантазиям.

К своему стыду, по большей части я не понимал занятий хозяина. Порой он делился со мной размышлениями, но, разумеется, не для того, чтобы что-то узнать или спросить – вряд ли я мог быть помощником в этих вопросах – скорее, ему хотелось просто произнести вслух то, что волновало его душу. Как порой любой из нас беседует с бессловесной тварью вроде собаки или кошки, а может быть даже просто с кем-то выдуманным, так и Клаус фон Дирк разговаривал со мной.

Я, конечно же, не обижался. Пропасть, разделяющая нас не только по положению, но и по уму, была столь огромна, что не было никакой надежды когда-нибудь преодолеть ее. Как мне кажется, она лишь увеличивалась со временем.

Порой мне доводилось наблюдать, с каким упоением господин работает. «Должно быть, именно так господь Бог трудился при создании Земли», – посещали меня порой богохульные мысли. Клаус фон Дирк творил иступленно, будто у него из времени был только краткий миг настоящего и никакого другого более.

Из бесед с господином я знаю, что поначалу он, как и многие, занимался фундаментальными вопросами алхимии: получение философского камня и эликсира бессмертия; создание големов и гомункулов; исследование природы веществ. Однако ни на одной из этих дорог он не продвинулся дальше определенного этапа. Это был не полный провал, но, как я понял, дальнейший путь выглядел бы блужданием в темноте в поисках крохотной щелочки, из которой струится свет.

Клаус фон Дирк был весьма недоволен этими неудачами. Он потерял аппетит и тратил почти все свободное время на исследования и опыты. Не единожды я заставлял его дремлющим в кресле со старинным фолиантом в руках. Сотни раз я упрашивал прерваться и поесть или поспать. Однако дух на тот момент, ни во что не ставил слабую плоть.

Но всему приходит конец. Как бы не был силен огонь внутри человека – без подпитки он затухает. В душе господина горел пожар, способный сжечь в одночасье весь Гамбург, однако и он не выдержал столь изнурительного труда.

Однажды я обнаружил Клауса фон Дирка лежащим без памяти возле стола, заваленного бумагами. В тревоге бросившись к нему, я вскоре облегченно вздохнул. Сердце алхимика билось, грудь философа вздымалась, мой господин был жив.

Перетащив его в спальню, я целую неделю практически неотлучно просидел подле. Господин был в беспамятстве. Порой фразы начинали исторгаться из него, подобно тому,

как болезнь выходит из выздоравливающего тела. Я считал это хорошим знаком и вскоре убедился, что мои надежды не напрасны.

Как-то я задремал на стуле возле постели больного, а после, проснувшись, заметил, что он полусидит на кровати и смотрит в окно. В свете Луны глаза его казались невероятно таинственными.

– Спасибо тебе, Ганс, – сказал Клаус фон Дирк, заметив, что я пробудился.

Признаюсь, мне стало стыдно за этот сон, потому я начал путано извиняться. Но господин остановил меня взмахом руки и уверил, что с его стороны это было именно благодарностью.

– Все прошло, – добавил он. – Нам с тобой многое пришлось пережить, но теперь это позади. Алхимия – наука ищущих. И хотя я едва не потерял себя самого, но нашел то, что мне было необходимо. Теперь у меня есть цель, к которой достойно стремиться. Если покорить ее, то можно превзойти всех тех пустословов, что мнят себя познавшими тайны вселенной. Скоро все будет. Совсем скоро.

Сказав это, господин вновь погрузился в сон, но то был сон выздоравливающего: усталый и ровный. Обтирая Клауса фон Дирка мокрой тряпкой и меняя белье, я некоторое время размышлял над его словами. В жизни господина появилась цель и вскоре, окрепнув, он непременно возьмется за ее осуществление. Мне же, как верному слуге, оставалось быть рядом и заботиться о благополучии Клауса фон Дирка, как и раньше. «В сущности, в моей жизни ничего не меняется», – думал я в тот момент и ошибался.

Воистину правы те мудрецы, что утверждают: стоит человеку осознать, к чему он стремится, как судьба с радостью поведет его по выбранному пути. До этого момента ты блуждаешь, не разбирая с дороги, но, ступив на тропу, следуешь туда, куда она тебя ведет. Главное – твердая уверенность, что это твой путь и решимость пройти его до конца.

Точно так же и было с моим хозяином. Стоило ему осознать свое предназначение, стоило выбрать из множества вариантов тот, который устраивал его наибольшим образом, как тут же все стало получаться именно так, как ему хотелось. Даже если поначалу и казалось, что это ложные шаги, а тропа вот-вот пропадет, оказавшись всего лишь примятой травой.

Не сказать, чтобы все случилось сразу и молниеносно. После выздоровления Клаус фон Дирк стал более внимателен к собственному телу и менее подвержен приступам всепоглощающей страсти. Он часто и подолгу сидел в кресле, а взгляд его, казалось, был устремлен в дали, скрытые от неподготовленного взора.

Я ухаживал за ним, делая то небольшое, на что был способен. В глубине души моей порой мелькали горделивые мысли о том, что мой труд хоть немного, но приближает господина к его цели. Хотя бы тем, что не отвлекает на проблемы бренного существования.

В скором времени былая мания вернулась, пусть и в другой форме. Клаус фон Дирк писал письма своим собратьям алхимикам, а если кто-то из них оказывался проездом в Гамбурге, то он добивался встречи. Очень часто после этих бесед господин приходил в раздражение, а порой со злости рвал письма, выбрасывая обрывки в камин.

– Глупцы, – бормотал он, потирая лоб. – Им кажется, что они знают, где проходит граница между невозможным и реальным, но при этом они продолжают заниматься тем, в чем никогда не добьются успеха. Их манит не тайна, а жажда наживы. В стремлении возвыситься, мои собратья приписывают себе подвиги, которых никогда не совершали и не совершат. А после, когда одного из них посещает озарение, в чванливом самодовольствии они отказываются принимать и понимать это. Воистину, нет более твердолобых глупцов, чем те, кто считает себя мудрецами.

Клаус фон Дирк нервно сплетал пальцы, выворачивая их так, что шелкали суставы. Он вставал и начинал расхаживать по комнате, бормоча себе под нос. В глазах его горело нечто жуткое, рожденное не в нашем мире. Порой он напоминал мне одержимого, и я втайне от хозяина, скептически относившегося к церкви, молился за обретение его духом покоя.

Так продолжалось долгое время. Мой господин становился все более раздражительным, и казалось, что если это не прекратится, то он вскоре вновь окажется в постели. Блестящий ум, сраженный косностью и твердолобостью тех, кого он считал равными себе.

Однако, к счастью, судьба послала Клаусу фон Дирку не только испытания, но и награду.

Глава II

Ярмарки в Гамбурге случались раз в сезон и та, о которой пойдет речь, приключилась весной. В ту пору еще нет такого обилия фруктов и овощей, которое бывает летом или осенью. По большей части продают старые запасы и поделки, появившиеся на свет долгими зимними вечерами, когда за окном воет ветер, и нет ничего лучше, чем собраться вместе в большой просторной комнате. За разговорами да работой зима проходит быстро. Мне, рожденному и выросшему в крестьянской семье, это было знакомо.

Клаус фон Дирк посещал ярмарки не из-за поделок – он в большей степени ценил простоту, видя за вычурностью гордыню и выпячивание достатка. Если же говорить о запасах, то мой господин жил, как бродяга, в любой момент готовый пуститься в странствия, а потому не утруждал себя вещами сверх тех, что можно собрать за несколько часов. Его интересовали купцы, побывавшие во многих странах и сумевшие раздобыть то, что никто никогда не видел. Они стекались на ярмарку и выставляли свой товар, в надежде выручить за него баснословные деньги, хотя часто это оказывались бесполезные безделушки. Для того чтобы распознать настоящую редкость, нужно было обладать большими знаниями и внимательным взором, и истинные ценители были наперечет.

Клаус фон Дирк, естественно, таковым являлся, и многие купцы, знавшие его не первый год, всегда стремились поразить чем-то диковинным, ибо щедрость господина в такие моменты не знала границ.

«Человек высокого ума никогда не скупится на действительно уникальные вещи. И уникальность эта должна заключаться не только и не столько в красоте, сколько в соответствии предмета его назначению, – так рассуждал Клаус фон Дирк.

Особого внимания заслуживали книги. Если кому-либо удавалось раздобыть нечто незнакомое, то господин подолгу и внимательно перелистывал страницы, вчитываясь в содержимое, и выпытывал: откуда и каким образом сей труд попал в руки торговца.

На той весенней ярмарке Клаус фон Дирк остановился возле незнакомого купца, который явно вел свое происхождение из мест, согреваемых жарким южным солнцем. Мой господин придирчиво осмотрел разложенные книги. Взгляд его изучал названия, и Клаус фон Дирк застыл, уподобившись живой скульптуре. Дыхание его участилось. Губы начали что-то шептать, а сам он разом покрылся испариной.

– Какая цена у этой книги? – спросил господин, и я мог бы поклясться, что голос его дрожал.

– Зависит от того, кто вы есть.

Купец ответил толи дерзко, толи насмешливо, но господин проигнорировал это. Он был слишком взволнован, да и сам, по правде говоря, предпочитал общение прямое и независимое.

– Я – алхимик и философ, Клаус фон Дирк. Я дышу и питаюсь знанием. У тебя есть блюдо, которое я еще не вкушал.

– Я – всего лишь купец, – ухмыльнулся торговец. – Но скажи мне, как философ, можно ли прожить всю жизнь, на одном лишь знании, не подкрепляя тело?

– Нет. В таком случае никакой жизни не будет. Но если довольствоваться лишь утолением голода плоти, то и это вряд ли кто назовет жизнью. Куда больше подойдет слово «существование».

– О да, это действительно ответ, достойный философа, – купец расхохотался. – Философы, которые мне попадались, были то бедны, то богаты, но среди них не было жадных. Назови мне свою цену. Думаю, ты не из тех, кто привык торговаться, в надежде выгадать пару монет.

– Ганс, отдай ему кошель, – распорядился господин.

Я, признаюсь, заколебался. Этих денег, по моим подсчетам, хватило бы на дюжину подобных книг. Однако, видя мое колебание, Клаус фон Дирк повторил приказ, и мне пришлось подчиниться.

– Я смотрю, твой слуга не философ, – торговец заглянул внутрь кошель и остался доволен.

– Философы не уживаются вместе. Каждый из них, в попытке облагодетельствовать начинает просвещать ближнего своего, что приводит к ссорам. Достаточно того, что Ганс – моя бережливость и верность.

Клаус фон Дирк поклонился, забрал книгу, и мы тотчас же отправились домой. И хотя господин старался идти ровно и степенно, как он это делал обычно, в его суетливости, во взглядах, которые он бросал на книгу, сквозило нетерпение.

Поскольку мое повествование основано в первую очередь на личных воспоминаниях, то стоит поделиться размышлениями, одолевшими меня в тот момент, когда Клаус фон Дирк, запершись в лаборатории, приступил к изучению книги. Как и вы сейчас, я в тот момент не знал, к чему это приведет. Я мог только догадываться и строить предположения, успев увидеть лишь название книги, выцветшее на солнце и потускневшее со временем. Надпись, которая привлекла мое внимание, была на французском и звучала следующим образом: «Трактат о стихийных чувствах и о Сентиментале, как высшем их воплощении».

Не будучи алхимиком, я, тем не менее, был посвящен во многие тайны Клауса фон Дирка, но слово «Сентименталь» встретилось мне впервые. И вот, пока мой господин впитывал знания и мудрость, мне приходилось довольствоваться догадками и размышлениями.

– На что похоже это слово? – спрашивал я сам себя и тут же отвечал, ведя мысленную беседу. – Более всего оно напоминает слово «элементаль». Часть же его, безусловно, образована от французского «sentiment», что означает «чувство». Может ли существовать «элементаль», который подобно саламандре, олицетворяющей огонь, будет воплощением чувств?

Ответа, разумеется, мне никто дать не мог, кроме Клауса фон Дирка, но спрашивать его было бы опрометчиво. Хотя я и считался доверенным слугой, но никогда прежде не проявлял особого интереса к делам господина.

Ко всему прочему, это слово постоянно слетало с языка. Мне хотелось произносить его снова и снова, хотя к разгадке подобное повторение не приближало, а лишь вгоняло в трепет. Я покрывался гусиной кожей и сидел, чувствуя, как легкий озноб постепенно прибирает к рукам мое тело, а потом отпускает.

Вечером того дня, замечтавшись, я не расслышал, как господин подошел и с легким изумлением воззрился на меня. Застыв посреди коридора, я бормотал себе под нос. Оставалось надеяться, что он не слышал самих слов, а, вернее, одного единственного.

– Ганс, право слово, теперь я лучше понимаю, что ты подразумевал, когда говорил про мой отрешенный вид. Я бы поблагодарил тебя за демонстрацию, но не думаю, что это было твоей целью.

Я, кажется, покраснел и извинился, добавив, что не понимаю причин своего столь внезапного погружения в мысли. Однако Клаус фон Дирк не придал этому происшествию

особого значения и лишь рассеянно кивнул. Было видно, что «Сентименталь» занимал его не меньше, чем меня.

Стоило книге попасть в дом, как поведение господина изменилось. Теперь он уделял внимание только лишь ей одной и не расставался с фолиантом, казалось, ни на минуту. Поля были испещрены заметками. Их не хватало, чтобы вместить все комментарии, а потому из книги торчали листы бумаги. Краем глаза мне удавалось увидеть некоторые из замечаний господина.

«Чушь!» – гласило одно, и оставалось только догадываться о негодовании Клауса фон Дирка. Наверняка губы кривились в презрительной усмешке, а рука сжимала перо со всей силы.

«Точно! Совершенно точно!» – улыбка и чувство трепета от того, как неизвестному автору удалось передать в своей формулировке то, для чего у тебя не находится слов.

«Стоит подумать...» – за этим краткими комментарием скрывался тяжкий труд, не оканчивающийся сразу, а продолжающийся еще долгое время, как и всякая мысль, которая нас занимает.

Мне же никак не удавалось разгадать загадку, которая скрывалась в книге. Я был близок, но не мог дотянуться. Вынужден признать, что даже стал не столь ревностно следить за порядком в доме – так сильно занимала меня мысль о Сентиментале.

В какой-то момент мне показалось, что я одержим. Тогда, отпросившись у господина, я отправился в церковь, надеясь там обрести покой. Но и несколько часов в молитве у алтаря не принесли мне освобождения от чарующего слова.

Клаус фон Дирк тем временем нашел себе новое развлечение. Мне совершенно случайно удалось узнать об этом, когда я отправился за продуктами во время его отсутствия.

Весна уже готовилась уступить место лету, а юноши и девушки бросались в водоворот страстей в надежде выплыть из него, держась за руки. Впрочем, большинство оказывались отброшенными друг от друга или же затянутыми в пучину.

За всеми – счастливыми и несчастными – наблюдал Клаус фон Дирк.

Увидев его на площади, всматривающегося в лица молодых людей, что общались на языке жестов и полунамеков, я собирался подойти, но, через какое-то время понял, что мое присутствие окажется нежелательным. Словно охотник, следящий за добычей, Клаус фон Дирк черной тенью держался возле стены. В глазах его полыхал азарт пополам с восторгом, а ноздри хищно раздувались. Руки беспрерывно сжимались и разжимались, будто бы он ощупывал нечто невидимое или же хотел протянуть их и схватить всех вокруг.

Мой господин был страшен и прекрасен одновременно. Мне кажется, именно так должен был выглядеть гаммельнский крысолов, перед тем как увести детей. В предвкушении и с затаенным обещанием в глазах.

Тогда я попросту подивился, решив, что это всего лишь причуда господина, однако я ошибался. Этот момент стал отправной точкой для последующих перемен. И уже через пару недель после него состоялось событие, которое показало, что жизнь более не продолжается в том же русле, что и раньше.

О том, что грядут перемены, стало ясно, когда Клаус фон Дирк принялся подолгу просиживать возле карт. Он подсчитывал количество переходов, составлял списки покупок и отправлял меня с разного рода поручениями. Нетрудно было догадаться, что мы готови-

лись к путешествию. Я не знал, куда именно, но вскоре, в один из первых летних вечеров, открылось и это.

Я помню, что господин был необычайно возбуждён. Казалось, он никак не может усидеть на месте – что-то внутри заставляло его вскакивать и расхаживать по комнате. Порой он начинал грызть ногти, разговаривая при этом, но так тихо, что до меня доносилось лишь бессвязное бормотание. Занятый очисткой и протиркой колб, я, конечно же, обратил внимание на странное поведение Клауса фон Дирка, но решил, что мое участие не требуется. Однако я ошибался.

– Ганс, оставь эти стекляшки в покое, – сказал он, остановившись вдруг. – У меня есть к тебе разговор, и он, поверь, куда важнее, чем твое занятие.

Отложив протертую колбу, я подошел ближе.

– Сядь, – приказал Клаус фон Дирк. – Не могу смотреть на тебя так. Ты слишком высок для меня.

Ростом природа действительно одарила меня немалым. Я был почти на голову выше господина, который и сам мог похвастать тем, что большинство людей смотрели на него снизу вверх.

Оглядевшись, я нашел глазами только кресло, в котором обычно сидел Клаус фон Дирк. Поначалу я не хотел его занимать и решил расположиться на краю стола, но господин поморщился, стоило мне шагнуть в направлении наполовину захламленного деревянного исподина, площадью едва ли не с треть комнаты. Поняв, что от меня требуется, я аккуратно присел на кресло.

– Ганс, как ты наверняка уже догадался, я собираюсь в путешествие, – Клаус фон Дирк пристально посмотрел на меня, и я кивнул. – Не скрою, это будет дальняя дорога и, возможно, опасная. Ты – мой слуга. Человек, которому я доверяю практически так же, как самому себе. И потому я считаю, что должен спросить твоего мнения. Если ты согласен отправиться со мной, и всецело помогать мне во время странствий так же, как ты делаешь это сейчас – я буду рад. Если же нет, то ты немедленно получишь расчет и, более того, награду за те годы, что ты мне служил. Ты не раб и волен решать сам. Не скрою, из этого путешествия мы можем не вернуться.

– Я отправлюсь с вами, господин, – ответил я почти без раздумий.

– Ты слишком быстро решаешь, Ганс. Поверь, это не то дело, в котором нужна поспешность.

– У меня нет семьи, о которой следует заботиться, точно так же, как и нет близких друзей. Вы всегда были добры и справедливы ко мне, а потому я не смогу бросить вас в такой момент.

– Я рад, – Клаус фон Дирк подошел и с силой сжал мне плечо. – Я рад, что ты именно тот человек, на которого я могу положиться.

Какое-то время, может быть несколько секунд, мы простояли так, а затем господин вновь принялся нервно расхаживать по комнате. В этом жесте, которым он меня одарил, не было иронии или насмешки. Я, пожалуй, набравшись храбрости, мог бы назвать его дружеским, но, как бы то ни было, я сознавал, сколь велик Клаус фон Дирк в сравнении со мной. И все же мне кажется, что он действительно в тот момент считал меня уж если не другом, то товарищем.

Признаюсь, это была лучшая награда, на которую только я смел надеяться. Великий гений, бывший моим кумиром, позвал с собой и обрадовался, когда я согласился. Я внутренне ликовал и упивался этим моментом. Гордыня – это мой самый тяжкий грех, как я уже говорил.

– Позволено ли будет узнать, куда мы направляемся?

– Конечно, Ганс, конечно. Наш путь лежит на восток, в Багдад. Там я должен найти то, чего никак не могу обнаружить здесь. Многие мудрецы и алхимики ведут свое происхождение из тех мест, и могу заверить – там невозможно заслужить славу одними лишь разговорами.

– На восток? Но там война. И эти варвары с иной верой, – я действительно удивился. Путешествие и впрямь выглядело опасным.

– Пустое, – Клаус фон Дирк отмахнулся. – Верить в иное – не грех. Я и сам верю во многое из того, что церковь называет ересью. Что касается войн, то они для дураков, желающих помериться силой. Таких хватает по обе стороны. Поверь мне, Ганс, умные люди всегда могут договориться, а в том случае, когда это невозможно – есть шанс обмануть другого или купить его согласие.

– Но я не уверен, что нам попадутся исключительно умные люди.

– Я позаботился об этом. Мы присоединимся к каравану. Я узнал: послезавтра отходит один из них. Там хватает и сильных, которые будут охранять наш покой, и умных, которые станут улаживать ум беседами, – господин подошел ближе и пристально взглянул мне в глаза. – Но что за сомнения? Уж не передумал ли ты, узнав об опасности? Говори смелей, поверь, никто не обвинит тебя в трусости.

– Вовсе нет, – сказал я, выдержав взгляд, и лишь потом позволил себе отвернуться. – Я дал согласие, не подозревая о цели, и не отступлю, узнав ее. Я всего лишь хотел выяснить, приняли ли вы должные меры предосторожности.

– Мой милый Ганс, – улыбнулся Клаус фон Дирк. – Да, я часто бываю рассеянным в том, что касается брэнной жизни, но, поверь, слишком многое поставлено на это путешествие. Фактически, я ставлю на кон самого себя. Свою науку, свою веру и свои убеждения. В такие моменты поневоле стараешься учесть все. Даже малейшая деталь может повлиять на успех будущего дела.

Мне оставалось лишь кивнуть. Действительно, кажется, господин многое предусмотрел. Однако стоило непременно проверить и подвергнуть сомнению любую мелочь. Не из-за недоверия, но лишь для того, чтобы убедиться, что действительно ничего не упущено.

– Вот и отлично, – кивнул Клаус фон Дирк. – Можешь перестать заботиться о порядке в этом доме. Послезавтра нас здесь уже не будет. Собери вещи, Ганс. Уверен, ты знаешь, что нам может понадобиться, но не советую брать то, чем ты при случае не сможешь пожертвовать.

Выслушав это распоряжение, я отправился готовиться к поездке. В моей голове мелькнула мысль о том, что я не подозреваю, как господин справился бы с этим, реши я взять расчет. Пришлось признать, что он либо был уверен в моем согласии, либо собирался попросить меня об этом перед расставанием.

«Какая разница, Ганс? – сказал я себе. – У тебя есть возможность не только помочь господину, но и повидать мир. До этого ты бывал в соседних городах, но как же все это меркнет перед далекими странами!»

Что и говорить, перспективы потрясали воображение.

Глава III

Мой господин во многом был прав. Несмотря на бытовавшие среди необразованных людей мнения, восток в ту пору был не таким варварским, как его было принято изображать. И до этого множество просвещенных ученых появлялось там, но во времена расцвета алхимии количество их поистине достигло невероятных масштабов. Достаточно вспомнить Джабира ибн Хайяна, который первым из алхимиков обратился к проблемам философского камня и созданию гомункулов, или же Ар-Рази, усовершенствовавшего теорию металлов.

И это только некоторые. А если взять врачей, философов и поэтов – становилось ясным, что мнение о диком востоке выросло на старых обидах за набеги, когда народности, жившие там, предпочитали кочевой образ жизни. Несомненно, масла в огонь подливала и церковь, считавшая молодую исламскую религию большой для себя угрозой.

Это же косвенным образом касается и моего господина. Из рассказов Клауса фон Дирка я выяснил, что он отправился воевать лишь затем, что ничего другого не оставалось делать. Много чего он испробовал в жизни, но ничто по-настоящему не смогло увлечь его. А на востоке, помимо прочего, можно было взглянуть на изнанку чужой жизни.

По сути своей, так и получилось. Узрев иной уклад и познакомившись со многими мусульманами, Клаус фон Дирк был допущен к алхимикам. Именно там состоялось его знакомство с тем, что церковь считала происками дьявола.

Поэтому сейчас можно было сказать, что блудный сын возвращался домой возмужавшим и с надеждой на помощь родителей. Зная, насколько мой господин дорожил воспоминаниями о тех годах своей жизни, думалось мне, что надеется он небезосновательно.

Мои же знания о востоке на тот момент были весьма туманны и противоречивы. Я, конечно, как истинный католик знал о другой религии и о том, что она противна господу нашему; но как человек просвещенный, не мог не признать, что ее постулаты во многом схожи с заветами Христа. Именно поэтому для меня было странным столь суровое противостояние.

Так же, порой, мне удавалось увидеть заезжих торговцев. Они по большей части были смуглыми, голоса их гортанными, а одежда необычной. Однако те торговцы все же мало чем отличались от обычных людей. Все это было внешним, а как доказали войны – внутри текла такая же красная кровь. И души их, как я смел думать, отличались от наших не столь уж серьезно.

Как уже было сказано, мы присоединились к каравану купцов, который отправлялся в Багдад. Вынужден признать, что поначалу подобное предприятие внушало мне недоверие. Слишком часто среди этих людей попадаются те, кто готов пожить чужим имуществом. Нередки истории, когда купец оборачивался разбойником, стоило лишь оказаться в диких землях. Однако вскоре мне предстояло убедиться в своей неправоте.

Начальником каравана оказался бывший военный. Это было видно по выправке и по тому, как он держался со своими подчиненными. Спокойствие и сила, исходившие от этого человека, казалось, окутывали весь караван, и вскоре я уже был уверен, что ничего плохого с нами не случится. А если что-то и произойдет, то Зигфрид достойно встретит опасность.

Да, его звали Зигфрид и более подходящего имени, как мне кажется, сложно было придумать. Об этом же как-то заметил мой господин.

– Вот человек, которого зовут Зигфрид, – сказал он, сопровождая проезжающего воина взглядом. – Он не только дьявольски силен и потрясающе прозорлив. Образование его пестрит пробелами, но ум жив и впитывает в себя новые знания и открытия. Ничего он не допускает на веру, не найдя доказательств. Но нет и того, что будет отброшено сразу же, без малейшей попытки задуматься. Воистину, глядя на этого человека, сразу начинаешь верить, что это достойнейший из достойнейших.

Остальную часть каравана составляли купцы и люди, которые подобно нам присоединились к нему для безопасного путешествия. С первыми все было просто. Они отличались лишь внешностью и говором, в то время как в каждом из них билась торговая жилка, а в крови кипел азарт. На привалах купцы то и дело пытались сторговать друг другу что-нибудь или же играли в кости на свои товары.

Пожалуй, только Хасим Руфди – как он представился нам – отличался от остальных. Родом из Багдада, он представлял дела своей семьи в Европе. Чуть более сдержанный и задумчивый, купец с востока предпочитал уединение, а не большие компании. С ним мой господин любил подолгу беседовать. Оказалось, что у них в Багдаде есть общие, пусть и не очень близкие, знакомые. К тому же Хасим Руфди был начитан и образован, благодаря чему в скором времени, он стал постоянным собеседником Клауса фон Дирка.

Я же был предоставлен самому себе, поскольку с караваном ехали слуги, которые занимались обустройством лагеря на ночлег, если нам выпадало ночевать на свежем воздухе; а так же остальными мелкими поручениями и делами, возникавшими во время путешествия. С этими людьми, честно говоря, я так и не смог сойтись. Хотя я и сам любил поговорить, но за годы службы у философа и алхимика привыкаешь к более содержательным беседам, нежели обсуждение интимных сторон жизни знакомых и господ и самого рассказчика. Именно этим, к моему прискорбию, и занимались слуги, когда им выпадала свободная минута.

Из тех, кто подобно нам не принадлежал ни к купцам, ни к воинам, ни к слугам, можно было выделить пожилого юриста Вернера Дифенбаха с дочерью Эльзой; и ее жениха, Штеффана Кноппа, представлявшего одну из гамбургских торговых компаний. Герр Дифенбах, как и подобает заботливому отцу, намеревался проследить, чтобы его дочь была окружена соответствующей статусу обстановкой. В Багдаде он намеревался пробыть до самой свадьбы.

Из разговоров слуг я узнал, что фрейлейн Эльза не любит своего жениха, несмотря на его молодость, красоту и удачно складывающуюся карьеру. Мне, человеку знакомому с капризами женского сердца, подобное казалось странным, но не удивительным.

А вскоре я и сам попал в плен женских чар. Казалось бы, прожив на этом свете без малого тридцать лет, мне давно было пора понять, что любовь, в сущности, есть не более чем болезнь, которую каждый претерпевает хотя бы раз. А дальше все зависит от шрамов, оставленных на душе и сердце.

На моем, к слову, подобных хватало. По молодости я часто увлекался и видел в каждом жесте благословление, а в каждой улыбке призыв. Но обжегшись несколько раз и весьма сильно, остепенился и позволил разуму главенствовать над чувствами. В последующие разы я руководствовался рассудком и брал то, что мне хотелось, отдавая взамен то, что хотелось девушке. Какое-то время мне казалось, что это идеальный способ существования, но после того как несколько женщин ушли из моей жизни весьма быстро, несмотря на то, что их вроде бы все устраивало, я разочаровался и в этом мировоззрении.

Нет, мне не суждено было превратиться в затворника, однако я решил для себя, что уже староват для долгих ухаживаний. Иной раз, когда было видно, что девица сама не прочь, я удостаивал ее вниманием, а поутру мы расставались, довольные друг другом. Признаюсь, меня подобное всегда устраивало, ведь в тот момент я начал служить у Клауса фон Дирка, и,

как мне думается, господин был бы против любой женщины в доме, в каком бы то ни было качестве, кроме, пожалуй, подопытной.

Порой мне казалось, что он в данном смысле святой. Однако, с вашего позволения, хватит об этом. Как я уже говорил, мне не нравилось обсуждение интимной жизни господ слугами при караване, а потому нет особого желания уподобляться им.

Так вот, девушку, которая покорила мое сердце, звали Агнетт. Она прислуживала фрейлейн Эльзе, но отношения между ними были скорее дружеские. Нередко, проходя мимо, чтобы вновь бросить взгляд на мою возлюбленную, я натыкался на веселый смех, от которого, к своему стыду, начинал чувствовать смущение.

Для меня не совсем ясно, что было тому причиной. Я знал, что недурен собой и нравлюсь женщинам, пусть уже и не молод. Однако я лишь бродил подле, не в силах сделать первый шаг. Злость моя к себе в те моменты была огромной.

Даже Клаус фон Дирк заметил мое странное состояние.

– Ганс, – сказал он как-то. – Признаюсь, еще несколько месяцев назад, твое поведение показалось бы мне загадкой. Я бы решил, что какая-то сущность вселилась в тебя и терзает душу, побуждая ее к мятежу. Однако теперь, о, теперь я знаю, что происходит.

Я попытался отговориться. Сказал, что не происходит ничего странного, и я просто не очень привык к долгим поездкам, а потому надо чаще прогуливаться, чтобы размять затекшие мышцы.

– Чаще прогуливаться в направлении того шатра? – господин показал рукой в сторону места, где остановился герр Дифенбах и хохотнул. – Разумеется, мой дорогой Ганс, разумеется. Прогуливайся, но не забывай, что гулять лучше всего не в одиночку.

Он вновь рассмеялся и отправился к Хасиму Руфди, прихватив с собой шахматы. В последнее время они полюбили эту игру. Кажется, всё началось с какого-то математического спора, но я не могу утверждать точно.

Я же вновь остался один и долгое время, вынужден признать, сердился на Клауса фон Дирка за его острый язык. Однако, вскоре мне удалось понять, что обвинять надо в первую очередь самого себя. Этот разговор дал мне пищу для размышлений, и я нашел причину своей трусости.

Агнетт нравилась мне столь сильно, что я боялся испортить все неосторожными словами и поступками, а потому предпочитал бездействовать.

«Ну же, Ганс, – зло сказал я самому себе. – Ты боишься даже попробовать, а между тем, вдруг от тебя ждут именно этого? В твоём возрасте даже шанс рискнуть предоставляется не так уж часто. Вскоре путешествие закончится, а если ты не воспользуешься этой возможностью, то будешь жалеть всю жизнь!»

Признаюсь, этот внутренний монолог не сразу возымел действие. И в той или иной форме мне пришлось проговорить его несколько раз, прежде чем удалось себя убедить.

Но перед этим произошли события, оказавшие влияние, как на путешествие, так и на мою судьбу, а также судьбы моего господина и некоторых других людей, ехавших с нами.

Глава IV

В один из дней к Зигфриду спешно подъехал отправленный вперед разведчик. Нам с господином со своего места не было слышно ни слова из того, что он сказал, но, судя по его взволнованному лицу, случилось что-то действительно важное. Выслушав, Зигфрид резко и быстро отдал какие-то приказания, а затем вместе с парой стражников понесся вперед, будто бы речь шла о жизни и смерти.

Вскоре нам удалось узнать, что это действительно так.

– Есть ли среди вас кто-нибудь знакомый с искусством врачевания? – спросил один из воинов.

– Я разбираюсь в анатомии и немало знаком с лекарским искусством, – отозвался мой господин. – Что произошло?

– Мы нашли раненого. Капитан отправился за ним. Кажется, на него напали разбойники.

– Я помогу чем, смогу.

Сказав это, Клаус фон Дирк принялся искать в наших пожитках хирургические инструменты, а также снадобья и травы. Не зная характер ранений, он достал все, что могло пригодиться. На лице же господина читалось искреннее любопытство.

– Всегда интересны такого рода встречи, – шепнул он мне. – Иногда, Ганс, я начинаю верить в существование судьбы. Главное только уметь различать ее знаки и толковать их правильно. К сожалению, это то искусство, на которое можно потратить всю жизнь, но так и не продвинуться дальше пары шагов. Лично я просто стараюсь помнить, что ничего не случается просто так.

Клаус фон Дирк более не произнес ни слова, пока не прибыли охранники со своей ношей.

Раненный был без сознания, но жив. Его грудь вздымалась, пусть и не так часто, как положено здоровому человеку. Однако самым удивительным для меня было то, что я узнал его. Это был тот самый араб, который продал господину книгу о Сентиментале. От потери крови он побледнел, да и видел я его лишь раз, но и Клаус фон Дирк, судя по тому, как он изменился в лице, тоже признал этого человека.

Еще большое смятение вызвало появление раненого у Хасима Руфди. Он вдруг заволновался, бросился к охранникам и принялся помогать укладывать араба на покрывало. Купец что-то бормотал, но язык был мне плохо знаком, а расстояние оказалось слишком большим, потому я ни слова не понял.

– Это брат достопочтимого Хасима Руфди, – сказал господин, видя, как я старательно прислушиваюсь. – Он очень переживает за его здоровье и сокрушается, что родственнику не хватило терпения подождать его, и он решил отправиться в столь трудное и опасное путешествие в одиночку. Интересно, знает ли он...

Конец фразы господин резко оборвал, будто боясь слов, которые могли вырваться наружу. Он протиснулся сквозь строй собравшихся и приступил к осмотру больного. Закончив же, скомандовал вскипятить воду и стал выбирать нужные ему травы для приготовления отвара.

– Ничего страшного, всего лишь сильный удар по голове. Возможно, легкое сотрясение мозга. Нужен покой и бережный уход, – Клаус фон Дирк обвел взглядом стоящих вокруг. – Пожалуйста, не толпитесь.

Люди, смутившись, как часто бывает, когда застают за чем-то постыдным, разошлись по своим делам. Возле больного остались только лишь Зигфрид, Хасим Руфди и господин.

От моего взгляда не ускользнуло, что перед уходом фрейлейн Эльза задержалась, бросив на раненого взгляд полный тревоги.

Сначала я подумал, что ее взволновало само происшествие, однако позже мне довелось убедиться, что судьба раненого в принципе была ей безразлична.

В тот день путешествие решили не продолжать: половина дня миновала, и до следующей придорожной гостиницы было далеко. Вокруг раненого по-прежнему хлопотали Хасим Руфди и Клаус фон Дирк, я же, предоставленный самому себе, направился к маленькой речке, скорее даже ручью, и погрузился в созерцание бегущей воды. Это зрелище завораживало меня с детства, помогало успокоиться.

Прошло какое-то время, и я, задумавшись, не сразу сообразил, что рядом со мной кто-то сидит. Оторвав взгляд от реки, я повернулся и увидел Агнетт. В лунном свете ее лицо казалось еще прекрасней. Выющиеся локоны волос, светлые голубые глаза, стиснутые от напряжения или в задумчивости губы – это зрелище оказалось более захватывающим, чем бегущая вода, и во много раз прекрасней. Агнетт тоже не сразу заметила, что мой взор направлен на нее. Когда же это произошло, то она смутилась, на щеках выступил легкий румянец, и девушка поспешно отвернулась в сторону.

Так мы и сидели какое-то время. Я изучал каждый завиток ее волос, пытаюсь разглядеть просвечивающий сквозь них изгиб шеи, в то время как Агнетт подняла с земли маленький прут и чертила неясные мне знаки на земле. Я хотел что-нибудь сказать, но в тот момент окончательно убедился, что слова подобны деньгам. Они очень часто имеются в достатке, когда нам некуда их тратить, и пропадают в тот момент, когда нужда в них достигает крайнего предела.

– Я любил сидеть так в детстве, – сумел я все же выдать из себя хоть что-то.

– Я тоже, – голос Агнетт был тихим и печальным.

Мы помолчали еще какое-то время, и я взял на себя смелость придвинуться ближе. Моя рука оказалась рядом с рукой девушки.

– Меня послала госпожа, – призналась она, резко повернувшись ко мне. Глаза Агнетт смотрели настороженно и испытующе. – Она очень волнуется за Керима Руфди и просила узнать, достаточно ли искусен ваш господин.

– Он не дипломированный лекарь, но его понимание человеческой анатомии и процессов, проходящих в теле, велико, – не без гордости заметил я. Однако на самом деле мне было грустно. Агнетт пришла сюда лишь только по воле госпожи.

– Спасибо, я передам, – девушка отвернулась и собиралась уже вставать, когда я, решившись, накрыл ее руку своей. Она не дернулась и не вырвалась.

– Агнетт, скажите, вы здесь только из-за приказа госпожи?

– Нет, – ответила она помедлив. А затем очень быстро добавила. – Госпожа лишь испытывала тревогу, мне захотелось узнать все самой. Спасибо вам, Ганс.

Она высвободила руку, встала и, сделав несколько шагов, повернулась ко мне. Агнетт улыбнулась мягко и добро, помахала мне рукой и побежала в сторону лагеря.

Я остался сидеть в одиночестве, запутавшись в собственных мыслях. Мне не сказали ни да, ни нет, что позволяло надеяться и побуждало к волнению. Правда, я все же наконец-таки решился, что не могло не радовать. Некоторое время я пытался смотреть на ручей, в попытке привести мысли в порядок, но вскоре понял, что ничего не выйдет. Отряхнувшись, я отправился в лагерь.

По пути мне пришла в голову мысль, которую я по возвращению постарался проверить: знал ли кто-нибудь, кроме фрейлейн Эльзы и Хасима Руфди, что раненого зовут Керим?..

Пожалуй, это было самое значимое происшествие за время пути. Оно закончилось так же внезапно, как и началось. На следующем постоялом дворе Хасим Руфди сказал, что более не может сопровождать караван. Он остался дожидаться выздоровления брата, передав через Зигфрида письмо своей семье, чтобы они выслали провожатых. Вдобавок к письму Хасим Руфди отдал огромный кошель золота и обещал, что точно такой же кошель будет ждать стражников в Багдаде.

На прощание Хасим Руфди преподнес моему хозяину в качестве подарка резные шахматы из слоновой кости, которые он привез из Индии. По его заверениям, это была лишь мизерная благодарность за спасение брата. По возвращению в Багдад купец обещал разыскать Клауса фон Дирка и вознаградить куда более достойно тому поступку, который тот совершил. Хотя мой господин и заверял, что ничего особенного он не сделал, а больной так или иначе в скором времени поправился бы, подарок он все же принял, как мне показалось, с большим удовольствием.

Что касается самого раненого, то сила его здоровья или же мастерство моего господина было тому причиной, но он вскоре очнулся, хотя и был еще слишком слаб, чтобы ходить и сидеть, потому по большей части лежал и разговаривал.

Я не мог не заметить, какие преисполненные тревоги и радости взгляды бросала на больного фрейлейн Эльза. Мне было странно видеть, что все вокруг этого не замечали. Впрочем, возможно это был тот самый случай, когда важно знать, что именно ты ищешь.

Но как я не старался, как не пытался уловить, мне не удалось заметить, чтобы Керим Руфди как-то выделил ее из тех, кто вечерами нередко приходил его проводить. Особенной популярностью среди гостей больного пользовалась его история о нападении. С каждым разом она все более и более изменялась, пока не превратилась в притчу об отважном, но безрассудном купце, злых разбойниках, внимательных стражниках и добром чародее. В скором времени у нее был шанс превратиться в сказку.

Наши же отношения с Агнетт радовали меня своей романтической невинностью. Я считал, что давно уже не гожусь для подобного, однако получал от происходящего истинное удовольствие. Иногда мы разговаривали, рассказывая друг другу наши жизни и жизни наших хозяев. Однажды я даже рассказал ей о Сентиментале, за что потом корил себя, поняв, что это тайна хозяина, а не моя. Правда, как мне показалось, Агнетт восприняла это как старинную легенду или даже шутку.

Зато она относилась серьезно ко мне, а я к ней. Мы часто бродили вдвоем, взявшись за руки, или сидели где-нибудь в отдалении. Голова Агнетт покоилась на моем плече, и я чувствовал ее дыхание. Или же я, лежал у нее на коленях, находя это самым прекрасным ложем из всех, которые мне когда-либо были доступны.

Украдкой, боясь, что нас кто-нибудь увидит, мы целовались. Не исступленно и страстно, а нежно и робко, вкладывая все чувства в эти поцелуи.

Естественно, что наша близость не осталась без внимания в караване. И если стражникам было все равно – лишь раз Зигфрид попросил меня не отходить особенно далеко во время прогулок, – то для слуг мы стали пикантным лакомством. Обсуждать своих хозяев им порядком надоело, а потому они упражнялись в злословии на наших чувствах. Должен сказать, что мне стоило огромной выдержки, чтобы не наброситься на них с кулаками.

И я бы наверняка так и сделал, если бы Агнетт не попросила меня не обращать внимания. Сама она именно так и поступала, но иногда мне мерещилась усталость в той улыбке, с которой она встречала пошлости, несущиеся нам в спину.

– Это просто зависть, Ганс, – говорила она мне. – Люди завидуют счастью, а потому хотят его опошлить и растоптать. Им кажется, что такого не может быть, ведь у них ничего подобного не было. Им надо вымарать в грязи чистое, чтобы оно стало похоже на что-то

привычное глазу. Но грязь не липнет, если на нее не обращаешь внимания. Будь сильным, Ганс, ведь я с тобой.

Должен признать, что эти слова, если и успокаивали меня, то ненадолго. Я понимал, что своей реакцией на насмешки лишь расстраиваю Агнетт, но ничего не мог с собой поделать.

Даже Клаус фон Дирк как-то подозвал меня поближе и спросил:

– Скажи, Ганс, есть ли люди, чье мнение для тебя важно?

– Разумеется, – кивнул я, подразумевая в первую очередь самого господина и Агнетт.

– Как эти люди относятся к тебе?

– Очень хорошо.

– Тогда попросту наплюй на остальных. Они – никто, в то время как ты сам решаешь, что важно внутри твоего мира.

Я кивнул и сказал, что постараюсь, но не думаю, что у меня это получилось. Несмотря на поддержку господина и Агнетт мне все время казалось, что я совершаю что-то противоестественное, игнорируя насмешки. Правда, вскоре они пропали сами собой, но совсем по иной причине. Через два дня мы должны были достичь Багдада, а потому именно это стало всеобщей темой для разговоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.